

INSPIRIA

Арто

П А А

Лес
повешенных
лисиц

С И

Л И

Н Н А

INSPIRIA

Loft. Современный роман

Арто Паасилинна

Лес повешенных лисиц

«ЭКСМО»

1983

УДК 821.511.111-31

ББК 84(4Фин)-44

Паасилинна А.

Лес повешенных лисиц / А. Паасилинна — «Эксмо»,
1983 — (Loft. Современный роман)

ISBN 978-5-04-174335-2

«Лес повешенных лисиц» – плутовской роман, полный специфического, но очень понятного финского юмора и простой, остроумной житейской мудрости, благодаря которым Арто Паасилинна и заработал свою славу философа и юмориста. Где можно надежно спрятать тридцать шесть килограммов золота? Именно этим вопросом задается Ойва Ютунен, бандит, ни в какую не желающий делиться с поделниками награбленной добычей. Для сохранности он решает залечь на дно, и не где-нибудь, а в дремучих лесах Лапландии. И все было бы хорошо, но сохранять секретность в заброшенной хижине оказывается практически невозможно: то забредет майор некогда грозной финской армии, отправленный в отпуск из-за продолжительного пьянства, то девяностолетняя саамка, скрывающаяся вместе со своим дряхлым котом от сотрудников социальной службы, то лисенок, умыкнувший где-то пятьсот крон, то еще кто-нибудь... В книге присутствует нецензурная брань!

УДК 821.511.111-31

ББК 84(4Фин)-44

ISBN 978-5-04-174335-2

© Паасилинна А., 1983

© Эксмо, 1983

Содержание

Часть 1	6
Глава 1	6
Глава 2	9
Глава 3	12
Глава 4	16
Глава 5	19
Часть 2	23
Глава 6	23
Глава 7	27
Глава 8	30
Конец ознакомительного фрагмента.	31

Арто Паасилинна

Лес повешенных лисиц

© Воронкова А., перевод на русский язык, 2022

© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2022

* * *

Часть 1

Глава 1

В Стокгольме в старинном каменном доме рядом с парком Хумлегорден жили состоятельные люди. Такие, как, например, уроженец Финляндии Ойва Юнтунен. По профессии он был бандит.

Ойва Юнтунен – стройный тридцатилетний холостяк – родился в Вехмерсалми, в провинции Саво. И хотя лет пятнадцать как уехал оттуда, когда он был в игривом настроении, у него все равно иногда вырывалось слово-другое на родном диалекте:

– Ни фига себе пельмень!

Юнтунен смотрел из окна эркера вниз на освещенный весенним солнцем парк. Там работники коммунальной службы неторопливо сгребали в небольшие кучки прошлогодние кленовые листья. Холодный весенний ветер тут же вновь разносил их по всему парку. Таким образом, остаться без работы ребятам не грозило.

Ойва Юнтунен предположил, что смуглые дворники родом откуда-нибудь из Боснии. А двое вполне могли быть турками или греками.

Когда-то, будучи нищим финским переселенцем, Ойва Юнтунен тоже познакомился с коммунальной службой Стокгольма и ее метлами. Неделю или две он зарабатывал на жизнь, убирая с песчаных дорожек парка сувениры, оставленные шведскими собаками. От этих воспоминаний Ойву бросало в дрожь. До сих пор. Не приведи господь вновь пережить такой рабочий опыт.

Впрочем, теперь ему это уже не грозило.

У Ойвы Юнтунена было тридцать шесть килограммов золота. Три слитка по двенадцать кило. Вообще-то они были не его, однако отказываться от них Ойва не собирался. Он к ним привык, искренне привязался. И немудрено: одна унция этого золота высшей пробы стоила четыреста долларов США. В унции 31,2 грамма, а при курсе доллара один к пяти 36 кило золота стоили порядка четырех миллионов крон. В финских марках это составляло 3,6 миллиона.

Сначала, лет пять назад, слитков было четыре. Теперь их стало на один меньше: Ойва Юнтунен воспользовался им, ведя шикарную жизнь. Ездил он исключительно на огромных новых автомобилях, пил марочные вина и летал бизнес-классом. Мебель у него была кожаная, все полы покрыты мягкими коврами, в ворсе которых ноги утопали по щиколотку. Два раза в неделю пятикомнатную квартиру Юнтунена приходила убирать югославка лет пятидесяти, страдавшая от варикоза. Всегда, если Ойва был дома, он давал ей пару крон на чай. Ойва Юнтунен ценил эту уборщицу, потому что она работала старательно и не слишком воровала. Ойва Юнтунен ценил честность, так как сам был вор.

Золото было украдено пять лет назад из Государственного банка Норвегии. Норвежцы как раз открыли у себя на континентальном шельфе огромные запасы нефти и стали просто страшными транжирами. Госбанк Норвегии должен был закупать за границей золото, чтобы государственные банкноты не превратились в ничего не стоящие бумажки. Обычно золото привозили из Австралии или Южной Африки. По мере усиления нефтяной горячки Норвегия стала покупать его даже в Намибии.

В это время Ойва встретил в родных краях, в Вехмерсалми, своего двоюродного брата, который в пятидесятые эмигрировал в Австралию. Посидели в баньке, попарились, похлестали друг друга веничком.

– Раз уж ты вор, – заговорил двоюродный брат, поддавая пару, – я бы на твоём месте завязал со всякой мелочовкой и урвал сразу столько, чтобы на всю оставшуюся жизнь хватило.

У брата была в Сиднее столярная фирма, услугами которой периодически пользовалось австралийское государство. На ней делали прочные деревянные ящики, куда укладывали привезенное с месторождений золото. В каждый ящик по двести кило двенадцатикилограммовыми слитками.

– Я-то золота и не вижу, но знаю, что в этих ящиках его доставляют на суда, а время их отправления любой может узнать из газет.

– А почему золото не отправляют самолетами? – поинтересовался Ойва Юнтунен.

Двоюродный брат ответил, что это слишком рискованно.

– Да ты представь, например, промежуточную посадку в Калькутте или Тегеране. Местные таможенники сразу доберутся до ящиков. Сколько слитков останется, когда самолет приземлится в Осло?! Кроме того, летать в тех широтах – все равно что сидеть на бочке с порохом. Говорят, каждый пятый самолет захватывают.

В преступном мозгу Ойвы Юнтунена сразу же созрел замечательный план. Он договорился с двоюродным братом, что тот, когда очередное золотое судно пойдет в Норвегию, сразу отправит ему телеграмму. Время отправления и название корабля – этого хватит. Об остальном Ойва Юнтунен позаботится сам.

Так и сделали. Через пару месяцев в Стокгольм пришла воодушевляющая телеграмма, в которой было название корабля, порт назначения (Осло) и время отправления, а также примерная скорость движения. Ойва Юнтунен измерил расстояние от Сиднея до Осло, рассчитал время рейса – если поспешить, то можно было успеть в порт на праздник по случаю прибытия.

Он взял в помощники двух финских бандитов. Один из них был верзила, простак, бывший экскаваторщик Хейкки Сутинен по кличке Сутинен Крутой Удар. Другой – коммерс Хеммо Сиира, мелкий злобный мужичонка, убийца-рецидивист, ему не было равных. Ойва заставил обоих поклясться на крови. В задачу бандитов входило захватить в порту груз с золотом, припрятать его в лесу, после чего для отвода глаз оказывать сопротивление полиции до тех пор, пока их не арестуют. Большую часть похищенного золота предполагалось сдать властям, а килограммов пятьдесят припрятать. Конечно, придется несколько лет отсидеть, но игра стоила свеч.

– Миллион крон за каждый год в тюрьме, – обещал Ойва Юнтунен. – Или, как только вы выйдете из тюрьмы, разделим добычу на троих и разойдемся.

Так они и порешили, после чего стали готовить снаряжение: автоматы, маски, автобус и все такое прочее.

Во время Второй мировой войны в Норвегии произошел довольно позорный инцидент. Когда морские силы Германии захватили Осло, норвежцы не поняли, в чем, собственно, дело. Фашистские корабли спокойно вошли в самую глубь фьордов и высадили десант прямо на причалы. Все это произошло поздно вечером, в Генеральном штабе не было ни души, и потому норвежцы не смогли ничего предпринять. Встревоженный норвежский главнокомандующий сухопутными войсками позвонил премьер-министру и спросил, что делать. Премьер-министр приказал ему прибыть в Генштаб. Но в это время суток в Осло невозможно поймать такси, вот и пришлось героической норвежской армии пришлось сдать немцам.

Примерно так же все произошло в порту и в этот раз. Когда драгоценный груз переместили на причал, бывший экскаваторщик Сутинен подал фуру задом прямо к ящикам с золотом. Убийца-рецидивист Хеммо Сиира открыл задние дверцы машины и прошелся автоматной очередью вокруг, разогнав всех возможных свидетелей. Груз был переложено в фуру, Сутинен сел за руль, а Сиира забрался в кузов за ящики. Тяжелая машина вырвалась из Осло и двинулась по трассе в сторону Швеции. Выбравшись за город, убийца-рецидивист выбросил золотые слитки на обочину. Довольно удачно в то же время по той же трассе проходил Ойва Юнтунен

с рюкзаком, в который он и принялся собирать слитки. Как обычно, мимо с воем пронеслись полицейские машины, вдалеке послышалась автоматная очередь. Все прошло по плану.

Лишь в горах на шведской территории полицейские догадались установить на пути беглецов заграждения. Две первые линии грабители играючи смяли в лепешку и лишь на третьей, усиленной шипованным покрытием, фура, дымя радиатором, остановилась. После краткого боя Сиира и Сутинен сдались шведским властям. Преступников доставили в Осло в зал суда. Они попросили о помиловании, во всем сознались и получили довольно небольшие сроки. Отсидели они в Норвегии всего по три с половиной года. Затем их перевели в Стокгольм в тюрьму Лонгхольмен отбывать наказание за прочие, менее серьезные преступления, совершенные ими в Швеции.

Сиира так небрежно швырял золотые слитки на обочину, что, отыскивая их, Ойве Юнтунену пришлось изрядно попотеть. В первый день он нашел всего два. На следующий день – еще один. Полиция тоже принялась прочесывать кюветы, и это немного осложнило поиски. Четвертый слиток Ойва нашел лишь два месяца спустя. Потом норвежская полиция еще целых два года упорно рылась в канавах и обнаружила еще два слитка. После этого поиски были прекращены. Но наверняка где-то там еще валяется превосходное австралийское золото!

У Ойвы Юнтунена было впереди несколько приятных лет. Пока убийца-рецидивист Сиира и Сутинен Крутой Удар сидели в тюрьме, Ойва беззаботно поживал в роскошной стокгольмской квартире. Двоюродному брату он отправил в Австралию тысячу фунтов и пригласил в гости в Стокгольм.

Раз в неделю Ойва Юнтунен навещал своих подельников в тюрьме. Он приносил им свежие порножурналы, сигареты, шоколад, имбирное печенье. Иногда, если Сутинен и Сиира уж очень просили, он соглашался принести им транквилизаторы. Чем дальше, тем реже Ойва навещал их в тюрьме. В Лонгхольмене он бывал раз или два в месяц, да и тогда свидания были краткими, минута на каждого. Мрачная атмосфера тюрьмы давила на Ойву Юнтунена.

Время от времени норвежские и шведские органы устраивали в квартире Ойвы обыски, но так и не нашли ничего, что указывало бы на крупную кражу золота. Золотые слитки Ойва Юнтунен спрятал в навозной куче возле своего пустующего дома в Вехмерсалми. Пару раз в год он приезжал к родному очагу, рылся в навозной куче и снова возвращался в Стокгольм к привычной размеренной богатой жизни.

Но однажды солнечным весенним днем из тюрьмы Лонгхольмен пришло печальное известие. Убийца-рецидивист Сиира и Сутинен Крутой Удар были переведены в категорию «надежных». Это означало, что в ближайшее время их освободят. Может, уже летом преступников выпустят на свободу, и они сразу же придут требовать свою долю.

За эти с шиком проведенные годы Ойва Юнтунен успел дистанцироваться от бывших подельников. Ему казалось абсолютно лишним делиться оставшимся золотом. Да, у него было тридцать шесть килограммов, ну и что? Что эти закоренелые преступники станут делать с такой уймой денег?

Ойва Юнтунен считал, что в Швеции вообще проявляют чрезмерное милосердие к преступникам. Будь его воля, он бы таких матерых уголовников, как Сиира и Сутинен, пожизненно упрятал в каменный мешок. А тут их, наоборот, собирались выпустить на свободу.

– Цацкаются с бандитами. В Финляндии бы этот номер не прошел, – печалился Юнтунен.

Глава 2

Бывший экскаваторщик Сутинен Крутой Удар вел себя в тюрьме Лонгхольмен прямо-таки образцово, и шведские власти решили, что он полностью перевоспитался и вполне заслужил право обрести сладкую свободу. Сутинен отсидел в тюрьме за один присест пять лет, можно себе представить, как он радовался, выйдя из Лонгхольмена. Был прекрасный весенний день, и шагалось ему легко. Пели птицы, тихонько напевал и сам Сутинен.

Удивительное счастье свободы усиливалось от мысли, что его, Сутинена, в этом свободном мире ждали еще двенадцать килограммов золота, которые ему услужливо вручит Ойва Юнтунен и которые он, Сутинен, сможет истратить на что угодно.

У Сутинена было целых пять лет на то, чтобы придумать, как он распорядится огромным богатством. За пять лет рассудительный человек способен точно распланировать свое будущее и решить, как использовать деньги.

Во-первых, он ударится в пьянку. Будет бухать до беспамьятства несколько месяцев без передышки.

Во-вторых, будет трахаться. Он знал кучу стокгольмских проституток, которые с превеликой радостью помогут ему в этом деле.

В-третьих, Сутинен собирался купить новую машину. Она должна быть большой и красной. Продольные полосы по бокам, а в салоне стереоколонки. Полноприводная и с турбонаддувом.

Так, строя далеко идущие и амбициозные планы на будущее, Сутинен позвонил в домофон богатого каменного дома рядом с парком Хумлегорден. Микрофон на двери затрещал. Сутинен вздрогнул, осмотрелся вокруг: нет ли где полицейских?

– Кто там? – послышался знакомый голос Ойвы Юнтунена.

– Это я, Сутинен. Открой дверь, Ойва!

– Какого черта ты приперся? Ты разве не в Лонгхольмене?

– Меня выпустили, открывай.

– Да ты, наверное, сбежал! Мы же, как люди, пять лет назад договорились, что вы отсидите, как положено, и не кинетесь в бега. Помнишь?

– Да нет, я свой срок до последнего денечка отмотал. Давай уж, жми на эту чертову кнопку.

Микрофон неприветливо замолчал. Мгновение ничего не происходило. Наконец дверь запищала, и Сутинен проскользнул внутрь.

Ойва Юнтунен провел Сутинена в гостиную. Она была обставлена серо-синими кожаными диванами и мягкими креслами. На стенах висели огромные картины, стоял многометровый книжный стеллаж из дуба. У другой стены находился стереоцентр. Напротив располагался небольшой бар, а рядом огромной пастью зиял камин из природного камня.

– Сними обувь, – приказал Ойва своему давнему поделельнику, и тот быстро скинул бывшие лет пять назад модными сапоги с острыми мысками. Одурающий запах потных ног отравил воздух.

– Надень лучше снова, – буркнул Ойва и включил вентиляцию на полную мощность. Тихий гул мгновенно высосал запах пота.

Совершенно сбитый с толку Сутинен сел на диван. Да, шикарную хату оторвал себе кореш! Вот как нынче устраиваются на воле. Стоило, значит, снова пожить как свободный человек.

Ойва Юнтунен оценивающе смотрел на поделельника. Какой неприятный тип! И выражается так глупо, по-простецки. Что с него взять! Да и не одежда на нем, а непонятное тряпье,

которое сразу говорит о своем владельце: кожаная куртка, джинсы. Руку с размазанной татуировкой украшали водолазные часы, хотя сам Сутинен Крутой Удар даже плавать не умел.

Ойва Юнтунен вздохнул. Со всякими головорезами приходится иметь дело. И вот этому отморозку он должен вручить двенадцатикилограммовый слиток золота? Ни за что!

– И что ты думаешь делать? – спросил Ойва Юнтунен, хотя заранее знал, какие пристрастия имеет бывший экскаваторщик.

Сутинен с горящими глазами принялся рассказывать о своих планах. И чем дольше он говорил, тем больше крепло убеждение Ойвы Юнтунена в том, что таким товарищам золото отдавать не стоит. Это приведет к росту преступности и падению нравов. Была опасность, что Сутинен, чего доброго, с радости напьется и разболтает кому-нибудь про золото, тогда у Ойвы точно будут проблемы.

Сутинена явно следовало как-то... убрать.

– Давай-ка мне мой слиточек, и я смоюсь отсюда, – потребовал Сутинен.

Ну да, конечно! Вот прямо сейчас тут и начнем делить золото, как будто речь идет о бутылке водки! Ойва Юнтунен принялся официальным тоном объяснять, что глупо сразу приступать к дележке. Нужно выждать время, потому как власти следят за этим домом и наверняка следили за Сутиным, когда тот подходил к парку.

Ойва дал подельнику на первое время две тысячи крон и сказал, что лучше всего ему уйти.

– Сними где-нибудь хату, и давай встретимся завтра, например, в десять в том кабаке на Слуссене, как там его?

– Ок, в «Бренде». Ну, тогда я пошел. За пять лет ни разу пива не пил. Смотри не забудь, в десять встречаемся. Тогда бывай, Ойва! Рад был увидаться наконец вот так, на воле.

Ойва Юнтунен смотрел, как Сутинен пересек парк и скрылся за зданием библиотеки. Ему стало немного жаль несчастного бандюгу. Пусть хоть сутки на свободе погуляет. Ойва считал, что этого для Сутинена более чем достаточно. Он приготовил себе взбадривающий коктейль и набрал номер Стиккана, который принадлежал к высшей касте стоковского преступного мира.

– Здорово, как семейство? Вот и славно. Послушай, можешь организовать мне взлом сегодня ночью? Пусть кто-нибудь из твоих разобьет витрину какого-нибудь часового магазина, что ли. Только предупреди, чтобы никаких отпечатков не оставили, особенно на вещах. И скажи, чтобы он утром к десяти подошел в «Бренду». Там будет сидеть финн, помнишь, Сутинен Крутой Удар? Помнишь, он у тебя угнал фуру в Хельсинки несколько лет назад? Сделай так, чтобы все оказалось у него. Скажи, схорониться тебе надо – словом, придумай что-нибудь. Он на это пойдет, тот еще бандюга. Пусть твой человек угостит его пивом, мужик наверняка утром будет с бодуна.

– Ты чего задумал? – поинтересовался Стиккан.

– Да ничего такого, просто доставь этого Сутинена с часами на место встречи, понимаешь? И сообщи в полицию. Обычная история: мужичка с пылу с жару обратно в тюрьму.

Стиккан прекрасно все понял. Он только поинтересовался, можно ли часть украденного прикарманить – в уплату тому, кто обстряпает дело.

– Часами больше, часами меньше – это уже не мое дело, – ответил Ойва Юнтунен. – А я вам с Евой куплю билеты во Флориду. Говорят, в это время года там не так жарко. По рукам?

На следующее утро Сутинен Крутой Удар сидел в «Бренде» в тяжелом похмелье. К нему подкатил какой-то мелкий вор, угостил пивом и предложил заработать. Нужно было в полдень отнести целлофановый пакет с краденными вещами в одно надежное место на углу. Обычное дело. Только прежде надо было встретиться с одним корешем.

Пару часов прождал Сутинен в баре Ойву Юнтунена, держа в руке пакет с украденными часами и серебряными подсвечниками. Ему надоело, и он понес часы в условное место.

Но и там никого не было.

А через мгновение к нему подкатил светло-серый «Вольво». Двое молодчиков в штатском вышли из машины, попросили показать, что у него в пакете, а затем защелкнули на татуированных запястьях Сутинена наручники. Посадили в машину и умчались.

Когда Стиккан позвонил Ойве Юнтунену и сообщил, что Сутинен «в порядке», Ойва сочувственно вздохнул. Жизнь – сложная штука. Есть люди, которым свобода не к лицу, и Сутинен Крутой Удар из таких.

А из Лонгхольмена пришли новые слухи, и оптимизма они не вселяли. Убийца-рецидивист и коммерс Сиира отправил королю Швеции уже пятое прошение о помиловании. Поговаривали, что смирившийся со всеми тюремными правилами убийца мог наконец-таки выйти на свободу.

Ойва Юнтунен с тоской думал о Густаве I и Карле XII. Если бы в Швеции и сейчас правили такие короли, напрасны были бы все мольбы о помиловании. Такой, как Сиира, в мгновение ока оказался бы на виселице. А нынешний Карл Густав – сопляк, такой король под чем угодно подпишется...

Ойва Юнтунен хорошо знал рецидивиста Сиiru. На его счету и правда была куча преступлений – некоторые он искупил, но еще больше остались безнаказанными. Это был удивительно жестокий человек, сущий дьявол, зверски избивавший, а иногда даже убивавший своих жертв. От Сиiry так просто, как от Сутинена, не отделаешься. Сиира свою долю получит любой ценой.

Отдать Сиире один слиток – еще два останется. А вдруг он и долю Сутинена себе потребует? Ойва начал думать, что безопаснее будет и Сиiru оставить вообще без доли.

– Железа, вот чего заслуживают убийцы, а не золота, – решил Ойва Юнтунен.

Лучше убраться из Стокгольма до того, как Сиира выйдет из тюрьмы. У него было целых пять лет, чтобы сплести интригу против бывшего подельника. Ойва Юнтунен не собирался сидеть и ждать, что там придумал этот рецидивист. Надо исчезнуть: быстро, бесследно и надолго. Флорида представлялась хорошим вариантом.

Глава 3

Но Флорида разочаровала Ойву Юнтунена. После прохладного Стокгольма тропическое побережье казалось жарким и шумным. Дни проходили в основном за выпивкой, ибо больше заняться тут было нечем. Деньги таяли на глазах.

Ойва Юнтунен познакомился с несколькими финскими проходимцами, которые отсиживались во Флориде. Как правило, за ними числились неуплата налогов, фиктивные банкротства, растраты, взятки и тому подобное. Одни занимались бизнесом, другие кутили на несправедно нажитые на родине деньги. На трезвую голову они расхваливали свободный американский образ жизни, а напившись, со слезами на глазах жаловались на тоску по родине. Иммигрант всегда тоскует по своей родине, даже если он преступник.

Финны часто устраивали междусобойчики: жарили бычка, плескались в бассейне и обсуждали убийства и грабежи прошедшей недели. На этих вечеринках часто бывали коммерсанты – крепкие, загорелые, холеные, они медленно потягивали виски. Приходили бывшие «Мисс» с морщинистыми лицами, полнеющие модели, а также давно не летающие бортпроводницы. Заглядывал офицер, который мысленно все еще воевал против русских в карельских лесах, и пилоты гражданской авиации, лишённые летных прав. Было еще множество хохочущих вдовушек. Эти, успев похоронить своих финских мужей-горняков, теперь коротали последние золотые денечки за растапливанием целлюлитных подушек на задницах и критикой нищенского уровня жизни в Старом Свете. По ночам праздники финской диаспоры заканчивались усталым беспутством под меланхоличные народные песни. Наиболее популярной была «Распустились листочки в Карелии милой».

Один крупный чиновник, некий мистер Ябала, родом из Саво, ранее носивший фамилию Яппиля, рассказывал Ойве о своем житье-бытье. У него была огромная яхта, красивый дом в хорошем районе и две машины. Имелся также бассейн и баба к нему, недурная собой баба. Директор Ябала был республиканцем, ни в чем не нуждался. Ан нет...

– Я уже пять лет не ел ряпушку, веришь ли, Ойва? Иногда чертовски хочется фрикаделек, аж в животе жжет! Эти их гамбургеры... ну, ты знаешь.

Еще Ябала сокрушался, что уже много лет не видел самого обычного трамвая.

– Эх, проехаться бы на «трешке» от Каллио до Торговой площади, купить там десятикилограммового лосося и засолить его. Здесь только белая океаническая рыба, да еще и ехать за ней надо на своей машине! А больше всего скучаю по баньке, настоящей, по-черному! Представь себе: из парилки прямо в озеро, а потом посидеть и охладиться на лавочке. Здесь даже колбасы для гриля не купить! Да что там – старого доброго гамбургера – и его не умеют нормально сделать. Вот бы хоть на одну ночь выбраться в Финляндию, сходить в сауну, съесть, черт побери, за один присест килограмм холодных колбасок и выпить ведро домашнего пива!

– У тебя же есть сауна, – заметил Ойва Юнтунен.

– Да кто в такую жару будет париться? Сначала неделями жара, потом с моря припрет жуткий торнадо. Лодки в щепки, крыши уносит на милю, и еще эти чертовы пальмы валятся прямо в бассейн. Если шторм не разнесет дом, то гангстеры выдавят окна и все растащат. Идешь ночью в один конец дома – другой в это время уже чистят. А утром представитель страховой компании обдерет последнее. Я вот сплю в подвале, в других комнатах боюсь. В спальне спит горничная, ей-то ничего, она же негритянка. Ты только подумай: мне приходится уступать свою постель негритянке! Но самое ужасное, что после осени здесь зима не наступает, как положено. Захочешь на лыжах покататься – поезжай в Канаду.

– Зато здесь есть красивые женщины, – возразил Ойва.

– Есть – с губами, обсыпанными герпесом.

Ойва Юнтунен спросил, почему же тогда Яппиля все еще тут, раз его так тянет в Финляндию?

– Два банкротства и тому подобное, вот так. Хорошо, сюда за мной не приехали... Вот тут и живу, вынужден. И вроде ничего, но, когда кто-нибудь приезжает из Финляндии, мысли разные в голову лезут. Кстати, ты мог бы привезти мне немного денег. Там, в Старом Свете остались. Ты вроде порядочный человек, поработаешь курьером. Будешь разъезжать и отдыхать, у тебя получится.

Ойва Юнтунен думал о своих золотых слитках. Похоже, их тоже будет не так-то просто перевезти через океан. Он не мог помочь Ябале, но обещал привезти консервов из ряпушки, если снова приедет.

– Да, все так говорят. Один вот тоже обещал настоящего ржаного хлеба привезти. А привез, черт его подери, баранок. А на что они мне?

Ойва Юнтунен довольно быстро понял, что во Флориде он плохо защищен от посягательств Сиiry. Как только громилы узнает об исчезновении поделщика, сразу прилетит сюда. Здесь все жулье собирается. А Сиiry чем хуже?

В одно прекрасное утро рецидивист Сиiry появится на террасе с револьвером в руке. Тут уж не до объяснений. Убьет, свинья, с него станется.

Ойва Юнтунен вылетел в Нью-Йорк. Он думал остаться там насовсем. В большом городе Сиiry его в жизни не сыщет.

Но не успел он заселиться в отель, как его ограбили. Среди бела дня, на шумной улице, в толпе людей. Гангстеры забрали деньги, хорошо, что не пристрелили. Уходя, один из них сорвал с шеи Ойвы шелковый галстук. К счастью, паспорт и большую часть одежды оставили.

Оказаться с голым задом в многомиллионном городе – сомнительное удовольствие. Ойва Юнтунен отправился в консульство Швеции, где к нему отнесли с холодком.

– Опять финн. – Шведы сочувственно покачали головами.

Тогда Ойва Юнтунен обратился за помощью в финское консульство. Ему выдали билет, но не в Стокгольм, а в Хельсинки, поскольку он являлся гражданином Финляндии.

– Еще бы до Москвы попросили, – сказали ему. – В Хельсинки пойдете в отдел соцзащиты и попросите денег на билет до Стокгольма. Мы оформляем здесь только дальние рейсы.

Это надо же – отправить в соцзащиту человека, у которого в Саво в куче навоза спрятано тридцать шесть кило чистейшего 24-каратного золота! Смех, да и только. Но когда власти вообще руководствовались разумом?

В самолете Ойва Юнтунен решил, что второй раз в Америку не поедет. Должны быть в мире места понадежнее, где мог бы укрыться обычный жулик.

Из Хельсинки Ойва позвонил в Стокгольм своему приятелю Стиккану, и тот переслал ему денег. Получив срочный перевод, Ойва взял напрокат роскошный автомобиль и немедленно отправился в Вехмерсалми, в свой заброшенный дом. Здесь его ждала ржавая лопата и самая дорогая в мире куча навоза.

Вернувшийся блудный сын шагнул по знакомой тропинке к родному дому, оглядывая зеленеющие под ласковым июньским солнышком нивы. Он думал о том, как все же удивительно красив родной край. Как мило возле дома шумит на ветру вековая рябина! Крыша коровника трогательно прогнулась, крышка колодца покрылась мягким мхом, крыльцо жалкой лачуги органично прогнило, а дверь, изогнувшись на петлях, висела, полуоткрытая, как бы приглашая путника войти.

Однако Ойва Юнтунен не стал заходить внутрь, а кинул взгляд за коровник, в направлении заросшей крапивой и лесным купырем навозной кучи. До чего же красиво возвышалась она над посеревшим загоном для скота! Что-то в этом было – сила, мощь, а главное – золото! Там лежал клад Ойвы Юнтунена, в этом хитром сейфе. Но как только убийца-рецидивист Сиiry получит от легкомысленного короля Швеции прощение и свободу, он тут же

направится сюда, в Вехмерсалми. В этом можно не сомневаться, и именно поэтому золото надо было срочно перенести в безопасное место.

Ойва Юнтунен зашел в серый сарай, где его нежно поприветствовала ржавая сенокосилка. На ней покойный отец каждое лето косил траву, запрягая старую клячу по кличке Руско... В углу стояло точило, на удивление хорошо сохранившееся. Ойва несколько раз крутанул ручку. «Нож для мяса еще можно заточить», – расчувствовавшись, подумал он.

С лопатой в руке Ойва вышел из сарая и зашагал к навозной куче. Крапива обжигала щиколотки сквозь тонкие креповые носки, но это его не волновало. Он стоял на золотом навозе.

Три с половиной метра от угла коровника, вторая точка – два метра от отверстия, через которое навоз выбрасывали на улицу. Ойва Юнтунен вонзил лопату в центр золотого сечения. Словно первую цифру в сейфовом замке набрал.

Да, глубоко же было спрятано золото! Прокопав с час, Ойва вырыл яму шириной в метр и глубиной в полметра, но сокровищ не нашел. Потный, в перепачканных навозом полуботинках, Ойва вылез из ямы. Облако синеврюхих мух проследовало за золотоискателем к краю кучи. Ойва закурил и вытер пот со лба.

– Черт, – расстроился он.

Покурив, он снова вернулся к работе. Мир ленивых не любит. Он взял координаты пошире и проработал на куче еще час. Образовалась огромная яма, наконец старания его увенчались успехом. Три слитка золота по очереди ударились о лопату. Ойва Юнтунен перенес их во двор, набрал из колодца воды и дочиста отмыл золото от навоза.

Во дворе на лужайке валялись три блестящих двенадцатикилограммовых слитка золота высшей пробы, с клеймами Государственного банка Австралии. Ойва Юнтунен погладил холодный металл. Ладонь вспотела, сердце забилося быстрее. Эту добычу он никогда не согласится разделить с убийцей-рецидивистом Сиирой. Уж лучше спрятать сокровище где-нибудь в далекой Лапландии, но чтоб Сиире ничего не обломилось.

По полю ехал на тракторе старик сосед. Ойва Юнтунен быстро спрятал золото в багажник машины и тщательно закрыл на ключ. Он помахал рукой старику – тот как раз заехал во двор подивиться на гостя.

– Смотри-ка, да это же Оева! – воскликнул сосед на саволакский манер. – Из самой Швейцции, что ль, в отпуск приехал? – Он смерил Ойву взглядом: – Ботинки-то как изговнял! Я баньку стоплю, заходи к нам ночевать.

– Да я вот в навозе червей копал. Может, вечером схожу на рыбалку.

Позже, вернувшись с рыбалки, Ойва отправился с соседом в баню и от души попарился. Он искупался в озере и сел поболтать со стариком.

– Видать ты, Оева, в Швейцции хорошо устроился, раз у тебя прямо-таки господская одежда, да и машина вон какая!

– Да, не жалуюсь.

– Вроде и у твоего брательника в Ситнее тоже ничего дела идут. Слышал, что большой человек он там. Был тут на прошлой неделе и очень нахваливал. Привет тебе передавал и к себе звал. Только позвони, говорит, приедет встретить тебя в аэропорту.

Утром Ойва Юнтунен попрощался с соседом, сел в машину и развернулся на север. А не поехать ли в Лапландию? Если там золотишко припрятать, никакой Сиира не найдет, пусть хоть всю тайгу перекопает.

Да и сам Ойва там пожил бы отшельником, золото бы посторожил.

Ойва Юнтунен переночевал в Рованиеми, утром прикупил туристическое снаряжение и продуктов и пошел продавать золото в ювелирную лавку Киандера. Он отломил от одного слитка приличный кусок, завернул в туалетную бумагу.

Киандер, торговавший когда-то самородками лапландских старателей, сразу отметил, что речь идет о золоте высшей пробы.

– Взвесим-ка, – предложил он, надевая на глаз лупу.

Золота оказалось четыре с небольшим унции. За него Ойва Юнтунен получил одиннадцать тысяч четырехста марок наличными. Откуда золото, ювелира совершенно не интересовало.

Когда все дела были сделаны, Ойва поехал дальше на север. Он выбрал дорогу, ведущую в Кясиварси, доехал до Киттиля, в Сиркка и Тепасто обогнал длинные армейские колонны и прибыл наконец в Пулюю, скромную таежную деревеньку посреди бескрайних болот. Там он решил оставить машину и двинуться напрямик в лес. С трудом взвалив на спину тяжелый рюкзак с золотом, Ойва взял курс на запад.

В течение полутора суток он все больше углублялся в тайгу. Чем дальше он шел, тем спокойнее становилось у него на душе: никогда не дотянутся сюда руки убийцы-рецидивиста Сиiry.

Наконец силы Ойвы иссякли. Он опустил драгоценный груз на вершине небольшой песчаной гряды, там, где несколько гектаров занимало «чертово поле» – оставшаяся после ледника территория, усыпанная камнями.

Ойва Юнтунен откатил несколько крупных валунов в сторону и спрятал три слитка в образовавшемся углублении. Но прежде он наклонился к золоту и горячо поцеловал прохладный металл.

Устало вздохнув, он закурил сигарету и подумал, что заблудился. Тем лучше. Он не знал, где находится, и никто этого не знал. Золото было спрятано как никогда надежно. Его добыли где-то на севере Австралии, а теперь оно здесь. Ойва Юнтунен сел на камень, под которым лежали слитки, и, счастливый, продолжил курить.

Глава 4

Майор Суло Армас Ремес, красный как рак, сидел в служебном кабинете командира батальона. Его большое сердце устало билось в груди. Голова подрагивала, в животе бушевал желчно-кислотный бульон. Но голова не болела, потому что у майора Ремеса она вообще никогда не болела, хоть кол на ней теши. Майор не пользовался каской, даже когда стреляли боевыми патронами – такая крепкая у него была башка.

У майора Ремеса было тяжелейшее похмелье. Впрочем, в это время суток, а именно утром, у него оно было всегда. Майор – сорокалетний, крупного телосложения кадровый офицер – был грубиян и пьяница. Настоящее животное.

В рабочем столе, в самом верхнем ящике, у него лежал заряженный пистолет. Там же скрывалась бутылка померанцевой настойки. В остальных ящиках находились планы учений пехотного батальона и пожелтевшие инвентарные описи.

Майор Ремес открыл ящик и взял пистолет. Покрасневшими глазами он осмотрел отличающееся темной синью оружие, пощупал огрубевшими пальцами холодный металл, снял с предохранителя и дослал патрон в патронник. Майор погладил спусковой крючок, закрыл глаза и засунул ствол пистолета в рот. Мгновенье он сосал его, как соску.

Однако стреляться майор не стал, хотя и был на волосок от этого. Прекратив игру со смертью, он поставил пистолет на предохранитель и, убрав обратно в ящик, достал бутылку померанцевой.

Майор посмотрел на часы. Начало одиннадцатого. Рановато, конечно, но, может, хлебнуть маленько?

Пробка, как всегда, чуть скрипнула – майор открыл бутылку.

«А чего бы и правда не глотнуть...» – раздумывал Ремес. Он сунул горлышко в рот, небо открылось. Кадык пару раз дернулся, скверное пойло стекло вниз по гортани, в желудок, где кислота желудочного сока моментально вступила в яростную борьбу с померанцевой.

Майор закрыл глаза. Ох, и тяжело же. Ладони вспотели, сердце в груди забилось сильнее, на лбу выступил пот. В животе заурчало, майору пришлось вскочить со стула и бегом кинуться в туалет. Его вырвало всем, чем только можно. Затем он почистил зубы, прополоскал рот водой, потрогал под ложечкой, вытер водянистые глаза, горевшие кровавыми шарами на лице страждущего бедолаги. Короткая разминка, руки вверх, вниз, легкий наклон и... назад к померанцевой.

Следующий глоток уже не рвался наружу. Тяжелое сердцебиение сразу стихло. Пот больше не лился вонючим потоком, как мгновение назад. Майор Ремес причесал жесткие темные волосы, еще раз глотнул померанцевой и убрал бутылку.

– Ну вот и делов-то.

Майор взял в руки кипу бумаг, карт и списков. Он был командиром батальона, какая тут особая работа? Штаб командировал его вести подготовку к военным учениям в Лапландии. Скука страшная. В учениях должны принять участие его бригада и части из других подразделений их же военного округа.

Вообще Майор Ремес был старшим офицером инженерных войск, а сейчас сидел в занюханном гарнизоне командиром разведбатальона, хотя вполне мог бы быть в спецподразделении саперного батальона, а еще лучше – в Генштабе. Как случилось, что его карьера завершилась тут, за этим убогим столом?

Майор рассеянно размечал на карте район предстоящих учений. Место сбора, направления наступления, заградительные линии, сосредоточение войск, пункты техобслуживания... Рутинная работа, с которой справится любой капитан или лейтенант. Эти нудные обязанности

возложил на него полковник. Унизительная канцелярщина, если подумать. Как же ему иногда хотелось захватить полковнику Ханнинену кулаком по физиономии.

Майор внимательно посмотрел на сжатую в кулак руку. Этот молот всегда был легок на подъем. Многим от него досталось. Комок костей, который автоматически сжимался, стоило только Ремесу выпить.

Майор вызвал в кабинет срочника-писаря. Младший сержант лениво встал по стойке «смирно». Ремесу захотелось дать нахалу по носу, но в армии это запрещено. Он протянул парню смятую купюру и приказал:

– Сбегай-ка, младший сержант, в чипок и принеси мне газировки. Что-то изжога замучила.

– Так точно, господин майор, у вас всегда изжога, – ответил писарь и рванул с места.

«Вот поросенок, – подумал майор Ремес. – Черт дернул меня перед ним отчитываться! Имеет же командир право попить лимонада в рабочее время, это ж не запрещено!»

Скоро писарь принес газировку. Майор рявкнул на него и выгнал из кабинета. В кружку, из которой чистил зубы, он налил померанцевой и разбавил газировкой. Льда не хватало, ну и так пойдет.

– Не ахти, но пить можно. Зато сразу забирает.

Зазвонил телефон. Жена, черт бы ее побрал.

– Послушай, Суло. Нам нужно поговорить. Наш брак уже не имеет никакого смысла.

– Не звони сюда, я работаю!

– Я не могу это больше терпеть. Правда, Суло. Я не истеричка, это ты чудовище, и однажды мое терпение лопнет.

Вот так всегда. Одни претензии и требования. Сам майор считал себя довольно понимающим супругом, да, бывало дело, иногда он поколачивал благоверную. Медведь и тот держит в строгости свое семейство, а чем майор хуже? К тому же Ремес был не против – пусть подает на развод. Дети, двое, к счастью, уже взрослые. Молодые женщины, одна замужем, другая на выданье. Вертихвостки обе, но это жена их избаловала.

– Вечером поговорим. У меня работа, пойми, Ирмели. Пока.

Майор положил трубку. Ирмели... Много воды утекло с того дня, как он женился на девушке с этим именем. Это случилось на втором курсе военного училища. Ирмели была красавицей – впрочем, у всех офицеров были красивые жены. Все благодаря синим кадетским мундирам. Стройные и бойкие курсанты напоминали синиц. Красивые девушки при встрече с такими моментально теряли голову. Так произошло и с Ремесом. Потом девушки становились офицерскими женами: сначала женами младших лейтенантов, затем старших, затем капитаншами и, наконец, майоршами. С годами мужья делались злее, пропорционально росла истеричность их жен. Если мужья вовремя не получали повышение, жены просто умирали от стыда. Иерархия финской армии держится на женских амбициях. Жены полковников завидуют генеральшам, капитанши таят обиду на майорш.

Ремес знал, что он никогда не получит даже звания подполковника, не говоря уж о том, чтобы у него появились три полковничьи звездочки. Для жены это было ужасно. Когда-то в молодости Ремес мечтал дослужиться до генерал-майора – тогда это казалось вполне реальным. Больше так не кажется. Сейчас стоял вопрос о том, сможет ли он вообще удержаться в армии. Сумеет ли вообще с честью выйти в отставку. Командир недавно вынес Ремесу личное предупреждение. Устно.

– Послушайте-ка, майор. Ваше агрессивное поведение противоречит принципам воспитательной работы в вооруженных силах. Предупреждаю вас по-отечески. Вы понимаете, о чем я?

Вот что сказал полковник. Тут недалеко и до увольнения, и майор Ремес это прекрасно знал.

Зазвонил телефон. Полковник Ханнинен спрашивал о плане военных учений. Как это до сих пор не готов?!

Закончив разговор, майор от души налил себе померанцевой. Вот и вторая бутылка газировки закончилась. Какая все-таки унылая у него жизнь. Даже в отпуск не хотелось, без денег какой отпуск?

И думал майор Ремес о том, что, будь его воля, он бы хоть сейчас развязал третью мировую. Война решила бы все его проблемы. С воем носились бы меж материков ракеты, а потом началось бы смертоубийство мирового масштаба. Это все было бы майору очень кстати. С началом войны его направили бы во главе инженерного батальона на фронт... Его люди делали бы засеки, заграждения, напичкали бы дороги и леса минами, построили бы линии обороны и мосты. Весь мир был бы объят огнем. И никто бы не спрашивал, пьет ли еще этот майор Ремес. Война дотла сожгла бы все унижения мирного времени. Майор Ремес знал: он солдат, бесстрашный и жестокий мужчина. Это мирная жизнь его сгубила.

Однако, как ни прискорбно, третья мировая в то утро не началась. Ремес заставил себя взяться за план военных учений. Рука у него дрожала, и линии наступления получались шире обычного. Ну ладно, в Лапландии есть место, пусть бегают, салаги!

Майор Ремес раздумывал, не взять ли ему отпуск за свой счет. Удрать бы на годик из этой дыры, из этого захудалого батальона. Освоить какой-нибудь курс в техническом колледже. Читать-то он пока не разучился, а вот писать уже было чертовски тяжело. Даже по клавишам печатной машинки не мог толком бить – указательные пальцы проваливались от силы удара. Майор стукнул кулаком по машинке. В двери появилась испуганная рожа писаря.

Глава 5

Майор Суло Армас Ремес допил померанцевую и принял по-военному твердое решение:
– Ухожу!

Он позвонил командующему и попросил отпуск. На год. Для продолжения учебы в техническом колледже. Мол, саперам во времена стремительного прогресса науки необходимы новые знания. Речь шла о безопасности Финляндии. Если инженерное дело будет отставать в развитии, что ожидает страну в будущей войне?

Полковник Ханнинен обрадовался. Неужели старый пьяница наконец одумался и хочет исправиться?

– Я поддерживаю. Но сначала проведи учения, а потом можешь идти.

– Слушаюсь, спасибо, товарищ полковник.

– Но отпуск с содержанием дать не могу.

– А я и не просил, – ответил майор и положил трубку. Он ощутил прилив сил. Он знал, что в его жизни грядут перемены, так пусть этот мерзкий батальон горит синем пламенем.

Ремес принялся энергично действовать. Он быстро составил план военных учений и отдал писарю, чтобы тот отпечатал набело, затем принялся за семейные дела. Жене Ирмели, у которой была привычка брэнчать на доставшемся в наследство рояле, он сказал:

– Рояль продаем. Можешь ехать хоть в Испанию. Часть денег – девчонкам. После учений поговорим об остальном.

За рояль они выручили 14 000 марок. Госпожа Ремес сразу же улетела в Испанию, а майор сосредоточился на завершении плана учений и основательном пьянстве.

Наступил июль, боевой и жаркий. Батальон погрузили в поезд. К составу присоединили пассажирский вагон для офицеров и, постукивая колесами, тронулись на север. В поезде Ремес пил и пел.

– «Это есть наш последний и решительный бой...» – громыхал он. В ту ночь никто в вагоне не сомкнул глаз.

Утром в Рованиеми батальон пересадили на машины. Майор Ремес уселся в полноприводный вездеход, который вел младший сержант Сянтяля. Перво-наперво водителю было приказано ехать в Рованиеми, в винный магазин. Там закупили полкузова померанцевой и только после этого развернули нос колымаги на север.

Для маневров были выбраны необжитые лесные участки на восточном склоне сопки Палластунтури. Первоначальный план майора Ремеса был пересмотрен, но основная диспозиция осталась неизменной. Сражающихся сторон было три, а не две, как в обычной войне: «синие», «желтые», а к ним еще добавились «зеленые». «Синие» – финны, «желтые» – русские, «зеленые» – западные союзники. Пехотный батальон майора Ремеса представлял «синих», то есть финнов. Отличительным признаком «зеленых» служила каска, «желтых» – пилотка, а у «синих», или финнов, – фуражка типа «красавый котелок».

По плану Ремеса, исходная дислокация была такова: на территории Финляндии войска стран Варшавского договора и НАТО начинали боевые действия с применением обычного вооружения, затем в конфликт вступала финская армия с целью спровадить обоих агрессоров восвосяси. Такая своеобразная война всех против всех. Целью учений было выяснить, как на практике осуществить трехсторонние военные действия в Лапландии. Участников было много, и для учений требовались обширные территории, а таежные массивы восточного склона Палласа прекрасно для этого подходили.

Майор Ремес поехал на джипе в Пулью, что в двухстах пятидесяти километрах от Рованиеми. Там были сосредоточены войска, а также оборудован штаб для управления учениями. Майору Ремесу в Пулью было как-то не по себе – туда должны были прибыть толпа подпол-

ковников, несколько полковников и два генерала. Перед этими стукачами в пьяном виде появляться не следовало. А среди младшего состава вполне можно было пропустить рюмку-другую. Главное – не отключиться, отдавая приказ.

Вот почему майор Ремес приказал младшему сержанту Сянтяле отъехать от Пулюю на восемь километров к западу по лесовозной дороге, идущей вдоль хребта Сиеттелеселькя, там и разбили штаб. На склоне песчаной гряды установили палатку для подразделения, двое солдат срочной службы получили приказ перебить в палатке всех комаров, пол застелили пенопластом под спальные места. Перед кроватью майора поставили полевой телефон и столик с картами. Вечером майор приложился к померанцевой и довольно рано отключился. В восьмом часу утра ротный, капитан Оллинкюре, попытался разбудить командира:

– Господин майор, от Пульютунтури, по данным разведки, пытается продвинуться группировка «желтых» в количестве примерно дивизии. Одновременно с запада через Рааттама продвигаются группы «зеленых» с целью встретить «желтых» в Поккувара, в Витсиккокаска. Ожидается жестокое сражение – обе стороны имеют большое количество хорошо ориентирующихся в этих местах подразделений.

– И что? – буркнул майор.

– Задача нашего подразделения – наблюдать за ходом сражения и предупредить отход терпящей поражение стороны так, чтобы победитель мог спокойно уничтожить врага. Затем наш батальон ударит по ослабленному сражением победителю. Согласно плану, это произойдет послезавтра. Думаю, что решающий бой продлится несколько суток. В треугольнике, ограниченном на юге Поккувара в Витсиккокаска, на западе Вуосисселькя и на востоке – Куопсувара. Возможно, наш противник на востоке попытается отойти в направлении сопки Пульютунтури и даже за нее, а второй противник на западе отойдет через Саланкиселькя на Рааттама и там по дорогам в Муонию.

Майор Ремес думал, что к концу недели военные учения можно будет переместить в Паллас. В отеле «Палластунтури» он закажет поджарку из оленины и пропустит стопку-другую водки «Коскенкорва». Только все так чертовски дорого... Была бы это настоящая война, о деньгах вообще думать бы не пришлось. Прошагали бы напрямик в отель, поели, выпили, от души попарились в бане и рассчитались по счету автоматной очередью.

Парочка истребителей с воем пролетела над командирской палаткой. Штабные разбежались по окопам. Майор Ремес, воспользовавшись случаем, вытащил из-под матраца бутылку померанцевой и принял утреннюю порцию. Когда воздушная тревога закончилась, он чувствовал себя намного лучше.

– Батальон перегруппируется для атаки в течение сегодняшнего и завтрашнего дня, – распорядился Ремес. – Инженерный взвод пусть наводит мосты через обе речки Сиеттелейоки. Основная часть батальона дислоцируется в окрестностях Киматиева, в Пулюю, окапывается и готовится к сражению. Батальон пусть проводит активную разведку в северо-восточном и западном направлениях и ночью тоже.

Во второй половине дня мосты через речки Сиеттелейоки были построены. Майор велел отвезти его в Куопсувара, куда он передислоцировал пулеметную роту и саперный взвод, чтобы подготовить коридоры для наступления. Технику временно оставили в Киматиева, в Пулюю.

Над расположением периодически пролетали истребители или одиночные вертолеты. С востока доносился грохот учебной артиллерийской стрельбы. В остальном же было утомительно спокойно, даже клонило в сон. Майор Ремес валялся в палатке, посасывая померанцевую. «Кто ж выдержит войну на трезвую голову?» – философствовал он.

На командный пункт батальона поступило телефонное сообщение, что из Пулюю придут генерал, несколько военспецов и какие-то полковники – будут проверять работу находящегося в авангарде батальона «синих».

Ремес скрылся от проверки за Куопсувара. Вестовому он наказал, чтобы сразу сообщил, когда «шишки» отбудут восвосяи.

На северном склоне Куопсувара стояла старая избушка лесорубов. Майор осмотрел постройку. Вот где можно было приятно провести остаток лета, поплеывая в потолок. Он даже подумал, не перенести ли туда штаб, но из стратегических соображений все-таки лучше было располагаться на другой стороне сопки.

Вестовой прибыл с известием, что начальство приезжало и уже отбыло. Майор мог опять вернуться в штаб. Достали! Он выпил еще померанцевой. Ходят тут всякие, вынюхивают, чем занимается профессиональный вояка. Майор решил наступать немедленно. Неважно куда. Хватит бездельничать!

Ремес отдал приказы офицерам. Каждой роте и отдельному взводу была поставлена четкая задача. Основные силы батальона должны были немедленно начать открытое наступление в направлении Vuosisселькя. Там они ударят в спину «зеленым» с севера. «Желтых» вытеснят позднее.

– Приготовиться к наступлению!

Капитан Оллинкюре попытался было сопротивляться: мол, приказ выступать будет только через сутки.

– Кто здесь командует батальоном, вы или я?! – рявкнул майор – Да я вас под трибунал отдам, капитан! Выполнять немедленно, а то расстреляю на месте!

Капитан Оллинкюре подумал, что, если он подаст рапорт на пьяного майора Ремеса, тому влетит по первое число. Но прежде этот громила успеет расплющить стукачу голову. Оллинкюре был наслышан о славе Ремеса. Посему капитан решил, что правильнее будет подчиниться начальству, как в Вооруженных силах Финляндии всегда делалось и будет делаться.

Тысяча человек готовились к сражению. Собрали палатки, отправили технику, на плечи солдат водрузили тяжелую ношу. Мириады комаров следовали за группировавшимся для наступления батальоном.

Вечером в районе Vuosisселькя произошла первая стычка с «зелеными» – каскоголовыми солдатами НАТО.

– Бей их! – орал майор Ремес. Войска НАТО были застигнуты врасплох, закипела жесткая битва, в которой их разгромили наголову. «Зеленым» сказали, что наступление «синих» будет только на следующий день. И вот в разгар полуденной дремы война жестоко вторглась на их территорию. Палатки были растоптаны, холостыми палили не жалея, пятьсот солдат сразу же полегли, а остальные врассыпную разбежались по лесам, выискивая свои подразделения.

Обалдевший от неожиданного успеха, Ремес решил развить наступление в восточном направлении, в тыл «желтых». За ночь проникли через Потсурайсвара в Юха-Вайнан Маа, где на своих позициях торчали «русские». Тяжелый переход по топким болотам подорвал их силы, особенно когда обозные лошади отказались лезть в самую глубокую трясиину, и их пришлось на себе тащить через грязь, сражаясь с тучами комаров и двигаясь в направлении поджидавших в Юха-Вайнан Маа «русаков».

«Желтые» решили, что на них нападают «зеленые», как было прописано в плане. Когда же выяснилось, что наступали «синие», «желтые» совершенно потеряли контроль над ситуацией. Ремес и его воинство с истощным воем промчались по позициям врага, бригада была фактически полностью уничтожена. Случись такое в настоящем сражении, потери измерялись бы тысячами. Воронье Лапландии впервые за сто лет попиривало бы на славу, а павших оплакивали бы родные до самого Владивостока.

Двое суток вел майор Ремес операцию среди лесов, создав тем самым ужасную неразбериху. Участвовавшие в маневрах подразделения перемешались, по округе бродили орды воинов, в одну роту собирались «синие», «зеленые» и «желтые». Голодные и усталые, «убитые», «раненые», «пленные» и просто оказавшиеся на пути. Телефонная связь не работала, из

полевых раций не давали внятных объяснений, большей частью оттуда доносилась площадная брань – это командующие из Пулюю пытались оценить постоянно меняющуюся обстановку. Лишь лошади проявляли какую-то логику, пытаясь вытащить волокуши из топких болот, чтобы вся воюющая армия разом не умерла с голоду.

Сокрушительным было победное шествие майора Ремеса. «Синие» захватили все позиции обоих противников, наголову разбили и уничтожили врага. Захватчики на собственной шкуре прочувствовали, что значит вламываться на исконно финские земли. Лесное воинство подобного не прощает и беспощадно мстит за любую попытку агрессии, нисколько не робея перед противником, многократно превосходящим числом.

Лишь один человек не хотел сдаваться пехотному батальону майора Ремеса. И тот был гражданским, которого видели в окрестностях Потсурайсвара, в верховьях ручья Куопсуоя недалеко от озера Потсурайсьярви.

Вестовой сообщил, что это парень лет тридцати, похожий на туриста, и он разбил лагерь на вершине одной песчаной гряды. На том месте находилось «чертово поле» площадью в пару гектаров. Эту позицию собирался занять взвод тяжелых минометов, и человека попросили убраться. Но тот внезапно взбеленился и наотрез отказался уйти. Когда командир взвода попытался силой занять «чертово поле», мужик выхватил нож и пообещал уложить всех, кто осмелится к нему прикоснуться. Потом он стал бросаться в минометчиков камнями размером с кулак. Командир минометного взвода решил, что перед ним сумасшедший, и приказал взводу отойти подальше и там занять новую позицию.

Майор Ремес отметил на карте место, где засел отважный незнакомец. Он решил сходить и поговорить с путешественником сразу, как только учения закончатся и начнется долгожданный отпуск.

Маневры продлились на двое суток дольше, чем планировалось, так как тысячи человек были раскиданы на участках сражений и собрать их воедино оказалось нелегко. При разборе полетов слов не жалели, однако, когда иностранные военные эксперты начали бурно превозносить блистательные подвиги «синих», то есть финнов, дело решили замять и оставить в памяти в качестве поучительного урока. Руководивший учениями генерал-майор Сууласвуо¹ позднее был приглашен выступить с докладом в военной академии Франции. Его просили подробно объяснить, как финским лесным воинам удалось одержать в Лапландии победу над превосходящим их в живой силе противником. Финский батальон сумел за двое суток уничтожить как подразделения Варшавского договора, так и силы НАТО. Такого высокого военного пилотажа в Европе не видали со времен битвы при Суомуссалми² в зимнюю кампанию 1939–1940 годов.

¹ Обыгрывается имя реального персонажа, полковника Сииласвуо, который одержал победу в битве на Раатской дороге во время советско-финской (Зимней) войны. См. ниже. – *Здесь и далее примеч. пер.*

² Битва длилась с 7 декабря 1939 г. по 8 января 1940 г. Результат – крупное поражение Красной армии, мало повлиявшее на исход войны, но значительно укрепившее боевой дух оборонявшихся финнов. С 4 по 8 января полковник Сииласвуо провел победное сражение на Раатской дороге.

Часть 2

Глава 6

Ойва Юнтунен был непоколебим. Взвод тяжелых минометов пытался отбить у него вершину, где находилось «чертово поле», и оттуда приступить к учебной стрельбе. Но Ойва Юнтунен этого не позволил. На «чертовом поле» слишком много золота, и глупым солдатам здесь делать нечего. Пришлось даже нож достать, чтобы поверили, что он не шутит.

Трое суток Ойва сидел и сторожил «чертово поле». Затем учения завершились, и солдаты с минометами убрались восвояси. Впервые за долгое время Ойва Юнтунен спокойно заснул возле небольшого костра.

Потом кончились хлеб и колбаса, несчастьям не было конца. Ойва Юнтунен заблудился, совсем выбился из сил, и его вконец достали комары. Временами ему казалось, что он сходит с ума. Но золото бросить он не мог. Его нужно было еще какое-то время посторожить, пусть даже ценой собственной жизни.

В то самое время майор Ремес шел с Куопсувара к лагерю Ойвы Юнтунена. На карте у него это место было обозначено как «Лагерь сумасшедшего». Майор был уже в отпуске, с тяжелого бодуна, но в целом радовался жизни. Впереди маячил год свободы. Как майор его использует – покажет время. Сейчас же спешить было некуда.

Сначала майор Ремес отправился на север от Куопсувара, мимо места под названием «Юха-Вайнан Маа» – «Земля покойного Юхи», откуда повернул на северо-восток к Потсурайсвара. Пройдя пять километров, он достиг «Лагеря сумасшедшего».

Ойва Юнтунен спал возле догоревшего костра. Его лицо сплошь усеяли комары. Бедолага явно был истощен.

Майор Ремес опустил рюкзак на землю и принялся разводить костер. Был вечер, в воздухе веяло прохладой. Ночью могло стать совсем холодно. Майор решил соорудить из хвои навес. Сначала нужно было сварить кофе, перекусить мясными консервами и сухарями. Да и по маленькой не помешало бы, но померанцевая закончилась.

Майор отметил, что спящий человек не очень-то похож любителя глуши. Хотя у него имелось походное снаряжение, но по тому, как он поддерживал огонь и питался, видно было, что он совершенно не владел искусством выживания в лесу. Уж очень турист смахивал на городского. Однако упорства у него достаточно, раз смог противостоять целому минометному взводу. Майор такое уважал.

Когда костер запылал и тепло дошло до спящего, турист проснулся. Майор Ремес поприветствовал его, однако тот не бросился в дружеские объятия, а вскочил на ноги и отбежал подальше, на «чертово поле». Там он скорчил зверскую рожу и вытащил нож.

– Я – майор Ремес. Вот кофе, если хочешь.

Мысли Ойвы Юнтунена путались от голода. Что тут делает майор? Может, он с Сиирой заодно? Ойва Юнтунен решил биться за золотые слитки до конца.

Ремес видел, что мужчина явно не в себе. И правда сумасшедший. Заблудился, наверное, в тайге, изголодался и головой поехал. Майору стало жаль изможденного туриста. Худой, городской... надо все-таки предложить ему поесть, может, придет в себя.

Майор налил в чашку кофе, добавил сахара, открыл полукилограммовую банку тушенки, щедро намазал сухарь маслом и положил сверху большие куски мясных консервов. Затем разломил на куски большую плитку шоколада, предназначенного для разведчиков, и разложил все это на камне. Он жестом предложил бедолаге отужинать чем бог послал, сам же отошел подальше от костра.

Ойва Юнтунен подумал, что вряд ли майор задумал недоброе, раз предлагал ему еду. Он решил поесть, однако оставил на видном месте нож, на случай, если офицеру стукнет в голову напасть.

Пока Ойва Юнтунен ел, Ремес соорудил небольшой навес метрах в двадцати. Он успокаивающе разговаривал с «несчастливым психом», который с аппетитом уплетал военные припасы, запивая кофе. Однако ответа майор не дождался. Наевшись, бедняга отошел на «чертово поле», лег и вскоре уснул. «Пусть дурачок проспится, утром поговорим», – подумал майор.

Ойва Юнтунен проснулся рано, бодрый и в здравом уме. Сон и пища исцелили его. Он сразу же начал придумывать легенду, которую можно было бы скормить майору, когда тот проснется. Свое имя он ни в коем случае не собирался раскрывать, равно как и прочую важную информацию.

Ясно было одно: майора нельзя выпускать из тайги. Ойва Юнтунен получил хороший урок. В одиночку он вряд ли нашел бы дорогу к людям.

Ойва Юнтунен сварил кофе, выпил чашечку, сходил к ручью умыться, затем разбудил майора Ремеса.

– Просыпайтесь, майор... кофе готов.

Пока Ремес пил кофе, Ойва спросил, где они находятся. Майор показал месторасположение лагеря на карте. На востоке ближайшим населенным пунктом, почти в пятнадцати километрах, была деревенька Пулюю. На западе тайга. До Рааттама две мили. Офицер и бандит находились на границе провинций Киттиля и Энонтекиё со стороны Киттиля.

Прежде чем начать вешать майору лапшу на уши, Ойва Юнтунен извинился за свое вчерашнее поведение:

– Я немного устал... заблудился и разнервничался.

– Ребята из минометного взвода тебе тут, видимо, слегка помешали? – спросил Ремес, прихлебывая кофе. – Мне рассказали, вот я пришел.

– Ничего себе «слегка»! Как тут не запаниковать, когда с минометами приперлись... А ты, видать, кадровый военный?

– Да, действующий офицер. Но сейчас в годовом отпуске. Надо иногда вырываться из рутины военных учений, понимаешь? А то так и помрешь, дома сидя.

Ойва Юнтунен хорошо понимал майора. Он подумал о парке Хумлегорден и убийце-рецидивисте Сиире, слова майора были в буквальном смысле про него.

Ойва решил, что наступил самый подходящий момент, чтобы начать врать.

– Я – младший научный сотрудник Асикайнен, – представился он. – Библиотекарь. Зарабатываю на хлеб в библиотеке Хельсинкского университета.

– И каким же ветром занесло сюда библиотекаря? Тут в тайге не больно-то много книг, – удивился майор.

– Собственно, я здесь, чтобы набраться экологического вдохновения. Я интересуюсь вопросами защиты окружающей среды.

В действительности же вопросы экологии никогда особенно не интересовали Ойву Юнтунена, но он предположил, что верзила-солдафон понимает в этом еще меньше и потому проглотит легенду.

– У меня умерла тетя... оставила небольшое наследство, и я подумал: наконец-то пришло время и о себе подумать, побывать в Лапландии.

Ойва Юнтунен и правда думал о себе, но еще и о бывшем экскаваторщике Сутинене, коммерсе Сиире и всех полицейских Скандинавии. Они-то и заставили его бежать сюда, в тайгу. Что ему умершая тетя, когда есть живой Сиира?

Ойва Юнтунен вошел во вкус и заливался соловьем, рассказывая о себе. Он был холост – не соврал. Родом из Хельсинки – ложь, и то, что он библиотекарь, – тем более. А дальше

шла полная брехня: что он с детства собирал гербарии, имел аквариум, наблюдал в бинокль за птицами и изучал следы млекопитающих.

Единственными млекопитающими, которые интересовали Ойву, были женщины.

– У меня есть свой телескоп и библиотека, в которой больше тысячи томов, небольшая такая... Я участвую в экологических движениях. Хватит строить в Финляндии гидроэлектростанции! Пусть водопады и пороги будут свободны!

Ойва Юнтунен обстоятельно описал надвигающуюся экологическую катастрофу.

– Ну у тебя и забот, парень, – заметил майор.

– Когда тетя весной умерла от мочекаменной болезни, я решил приехать сюда, в Лапландию, пополнить свою коллекцию ягеля, – совсем уж заврался Ойва Юнтунен.

– Ну и сколько же есть видов? – заинтересовался майор. – Кукушкин лен, мох для заделки пазов в стенах и обычный ягель. Я вот три помню.

Ойва Юнтунен стал осторожнее:

– Видов более десятка. То есть чисто ягеля. Мхи и бородачатые лишайники – это другое дело, грибы и трутовики – тоже. Я специализируюсь именно на ягеле.

– Ага. У нас в военной академии лекций по ягелю особенно-то не читали.

– За последние годы в атмосфере Земли произошли опасные изменения, – продолжал Ойва, переводя тему разговора с ягеля к общим вопросам. – Огромное количество углекислого газа достигло самых высоких атмосферных слоев, и виной тому озон. Он попадает в атмосферу из дезодорантов, которыми женщины опрыскивают свои подмышки. А в этих самых дезодорантах содержится пропеллент. Да и углеводородная промышленность тоже к этому причастна. А вырубка лесов в джунглях Амазонки? Если человечество не одумается, к 2050 году на земном шаре исчезнет весь зеленый покров!

– Доски-то и брус все равно нужны, – заметил майор.

– Здесь, на севере, существует еще и другая опасность. Когда атмосфера сильно загрязнится, солнце начнет припекать сильнее. Дымовые выбросы на солнцепеке повышают температуру воздуха. В результате ледники на полюсах тают и воды стекут в океаны. Когда тает Гренландия, уровень Атлантики поднимется на три метра, а если тает Антарктида, уровень Тихого океана поднимется на целых шесть. В среднем это означает повышение уровня воды на четыре с половиной метра во всех морях мира. Вот и подумай, что это значит.

– Мосты окажутся под водой, – констатировал майор. – Придется из бюджета Вооруженных сил больше денег выделить флоту. На сухопутные войска забьют.

– Все порты мира придется строить заново! Реки выйдут из берегов и затопят земли. В Похьянма вода дойдет до Лапуа. Город Пори поглотит море. А что будет с Индией и Бангладеш? Сотни миллионов человек утонут. Так что защита природной среды – это не ерунда какая-нибудь, – разошелся Ойва. Ему самому было интересно, где он набрался всей этой информации? Просто об этом каждый день писали шведские газеты, и по телевидению каждый вечер талдычили одно и то же.

– Ну ты горяч, парень, надо сказать, – заметил майор.

– Нет, я вовсе не фанатик. Это вообще не про меня! Но я, конечно, участвовал в демонстрациях, призывавших человечество образумиться.

На самом деле Ойва Юнтунен за свою жизнь принял участие в одной-единственной акции протеста. Было это в тюрьме города Турку в 1969 году. Заключение во главе с Ойвой в столовой принялись ритмично стучать тарелками и кружками, создавая невыносимый шум. Целью акции было добиться того, чтобы в баланду клали побольше мяса.

– Ну и как ты собираешься здесь жить? – поинтересовался майор Ремес. Как человек практичный, он видел, что у научного сотрудника маловато ресурсов для долгого пребывания в ягельнике.

– В том-то и загвоздка... Я хотел нанять какого-нибудь саамского старика, типа в проводники. Живут же здесь такие? Он бы охотился на дичь, ну и чум какой-нибудь поставил. Деньги-то после тетиной смерти остались. Говорят, здесь, на севере, безработица, многие желают подзаработать.

Майор Ремес подумал, что уж очень скудные запасы у бедолаги эколога, отправившегося в Лапландию изучать ягель. Однако не стал вслух подвергать сомнению планы младшего научного сотрудника Асикайнена. Денежки у парня явно имелись.

«Надо с ним подружиться», – размышлял майор, думая о своем положении, которое в финансовом отношении было весьма плачевным. Жена транжирила деньги от продажи рояля в Испании – ну да это ладно, главное, что от него подальше. Дочери разъехались, младшая и та скоро обручится... Семейный очаг погас, нет больше ни армейского жалованья, ни человека, чтобы носки постирал. А тут на тебе: городской лопух, заумный библиотекарь, с его денежками пропитая жизнь майора могла бы расцвести новыми красками.

А если вытрясти из него бабки? Размозжить этому исследователю ягеля башку и свалить труп в пропасть... или запихать в бездонные глубины родникового озера Потсурайсьярви? Тут, в богом и полицией забытой глуши, никто не станет искать какого-то младшего научного сотрудника.

Майор Ремес посмотрел на свой почерневший от костра кулак. Одного удара в висок библиотекарю хватило бы с лихвой. Эти кулаки знавали и более твердые черепа, и всегда был хороший результат. Иногда даже слишком.

– Кофе будешь? – щедро предложил Ойва Юнтунен.

Майор Ремес сунул кулак в карман, другой рукой протянул кружку.

«Да ладно, пусть живет, – подумал он. – Во всяком случае пока».

Глава 7

Ойва Юнтунен думал, как было бы здорово, если бы он смог нанять в помощники этого майора. Здесь, в тайге, привыкший к походной жизни офицер был бы незаменим. Правда, эта идея казалась Ойве Юнтунену немного безумной, ведь сначала следовало понять, что за человек перед ним. Ойва решил набиться к Ремесу в друзья и стал задавать ему самые разные вопросы.

Майору было непривычно, но приятно, что кто-то им заинтересовался. Такого не случилось уже много лет. Никто, собственно говоря, никогда и не удосуживался расспросить Ремеса о его делах. Ни жена, ни дети, ни друзья-офицеры, ни солдаты. А здесь, у вечернего костра, так приятно было поговорить, порассказать о себе. Неважно, что слушатель – незнакомый человек, какой-то младший научный сотрудник Асикайнен. Библиотекари тоже люди.

Майор рассказал, что срочную он отслужил нормально, вышел лейтенантом запаса. Получил два почетных значка: один за спорт, а другой – за стрельбу. (Не было такого, но кто сказал, что все должно быть правдой?)

– Затем я поступил в военное училище. Три года там отгрубил и как-то случайно оказался лучшим на курсе. (Двадцатым, ну и это неплохо.) Кстати, а где ты, Асикайнен, служил? Ты же, надеюсь, не уклонист, хоть и ягель собираешь?

Ойва Юнтунен почувствовал, что теперь умнее всего будет говорить правду:

– В Саволакской бригаде. В пехоте, в лыжной роте.

Майор продолжал свой рассказ. Раз приятель не в курсе офицерских дел, надо прибавить себе воинских заслуг:

– В училище я женился. Лейтенантом немного послужил взводным, но вскоре получил собственную роту и старлея. Потом год на капитанских курсах, родился первый ребенок... теперь у меня две взрослые дочери. Так и пошло – в военную академию поступил, изучал французский и русский: для военного они сегодня важнее, чем немецкий или английский. Даже во Франции полгода отучился, в тамошней военной академии. Потом преподавал. Эта дорожка привела меня в Генштаб, затем пришлось и международными делами заняться. На Кипре и в зоне Суэцкого канала я командовал финскими подразделениями войск ООН и потом на Синае вместе с полковником Сииласвуо организовывал мирные переговоры между Египтом и Израилем...

Все это был полнейший вздор. Майор Ремес был откомандирован на службу в войсковую часть сразу после военной академии, причем ни в какой Франции или на Синае он не был. Но Ойва Юнтунен принял все за чистую монету.

– Ты правда был там, в пустыне, на тех мирных переговорах? – удивлялся он.

– Было дело, – скромно признался Ремес. – Там мы творили историю ООН. Защита мира – вот долг солдата. Меня приглашали и на Голанские высоты, а теперь в Ливан, но я решил, что хватит. Я, видишь ли, считаю, что международный опыт надо приносить и в Финляндию. Офицер, имеющий такой опыт в международных делах, должен делиться им со своей армией, иначе информационный капитал пропадет впустую, устареет и не принесет пользы отечеству. Когда я прибыл на родину, меня назначили командовать бригадой. Большая ответственность для молодого майора, знаешь ли! – Всем было известно, что Ремес никогда не командовал войсковыми соединениями крупнее батальона. – Но солдат не должен стоять на месте, даже когда достиг блестящего положения. Теперь я взял на год отпуск – намерен защитить кандидатскую в техническом вузе. А там, глядишь, и за докторскую примусь. Развитие инженерных войск требует сегодня от военных хорошей технической подготовки. Это вам не какой-нибудь техник-строитель.

Ойва Юнтунен насторожился. Перед ним сидел не просто солдат, а еще и ученый. Все-таки необдуманно было развивать тему университетского библиотекаря.

Однако майор Ремес ничего не заподозрил.

– Я командовал этими учениями, за это мне и отпуск дали. В награду... Вообще-то, знаешь, в армии отпуск получить практически невозможно, а мне обломился целый год – просто так, по телефонному звонку! – Было приятно думать именно так. То, что отпуск – заслуга померанцевой настойки, сейчас было неважно.

Ойва Юнтунен поинтересовался: почему же майор бродит по тайге, а не готовится к защите кандидатской где-нибудь в Хельсинки?

Ремес лихорадочно искал подходящий ответ. Ему и самому было непонятно, почему он сидел у костра с каким-то младшим научным сотрудником. Затем он придумал:

– Я это... я вначале немного отдохну. Успею еще зимой позаниматься, почитать. Соберусь немного с силами.

Майор уставился на огонь.

– Финансовые трудности, знаешь, не дают мне развернуться, – доверительно произнес он. – У меня нет сбережений, в моем возрасте кредит на учебу уже не берут. Я даже думал, может, тут, в Лапландии, золото поискать. Многим в последнее время везло.

Ойва Юнтунен вздрогнул. Золото! А вдруг этот опухший майор что-то знает?

Майор заметил, что его приятель заволновался. Он решил, что сердце младшего научного сотрудника Асикайнена тоже поражено золотой лихорадкой. А что, если этот чистюля книжник надул его? А сам явился сюда искать золото по чьей-то верной наводке и уверяет, будто собирает ягель? Старые месторождения на реке Лемменъюоки лежат к северо-востоку отсюда, это совсем рядом. Здесь и правда могли быть настоящие золотые россыпи.

Майор Ремес оценивающе уставился на библиотекаря. Тот выглядел испуганным. «Ягель собирать приехал, будет он мне заливать! Да черт с ним!» Майор Ремес вполне мог с ним сработаться, игра стоила свеч. Если у библиотекаря еще и денежки имеются, тем лучше.

– Тебя, видать, золото интересует? – лукаво спросил майор.

У Ойвы Юнтунена от мыслей в голове зашумело. К чему это майор клонит? Только что говорили о военной академии, как они к золоту-то пришли? Знал ли Ремес, что у него золота больше, чем дюжий мужик сможет унести? Не попал ли он в западню? А может, майор знает Сиру, этого убийцу и дьявола во плоти?

Ойва Юнтунен попытался успокоиться и произнес:

– Слушай, Ремес. Ягель для меня – самое ценное в жизни. Хотя, конечно, золотоискательство тоже неплохое занятие.

Майор решил больше не наседать на нового приятеля. Лучше с ним впредь говорить на нейтральные темы.

– Знаешь, в тридцатые годы мой отец переделал родовую фамилию на финский лад. Я-то никакой не Ремес.

У Ойвы Юнтунена аж от сердца отлегло. Может, и зря он испугался? Скрываться целую неделю нелегко – никакие нервы не выдержат. Если здраво рассудить, то майор Ремес никак не мог знать о золоте. Ремес? А как тогда звали отца Ремеса?

– Что Ремес означает по-шведски? – заинтересовался Ойва Юнтунен.

«Вот черт», – расстроился майор. Нет ведь у его фамилии соответствия в шведском. Надо было как-то выкручиваться:

– Ну, батя был настолько профински настроенный, что взял себе фамилию Ремес. А так по отцовской линии я Ройтерхольм. Мой род ведет начало от барона Ройтерхольма. Из истории, наверное, помнишь?

Ойва Юнтунен с воодушевлением кивнул. Ни о каком бароне Ройтерхольме он отродясь не слыхивал, но никто же не требовал в этом признаваться. Вряд ли младшие научные сотрудники знают всех Ройтерхольмов в мире, так почему он должен знать?

– В нашем роду нет ни одного барона, – честно признался Ойва Юнтунен.

– Ну да... да и какой смысл иметь дворянский титул в современном мире? – пренебрежительно произнес майор Ремес. – Насрать на это! Мы обедневшие аристократы, лишь воспоминание о достойном роде и осталось, ничего больше. Конечно, иногда становится горько, стоит подумать, что еще двести лет назад мои прадеды вершили дела великой Шведско-Финской державы.

– Понимаю, – посочувствовал Ойва Юнтунен. – Могу представить, как иногда зло разбирает.

Майор тяжело вздохнул. Дворянского в нем было не больше, чем в рабочей финской лошадке, но все равно обидно.

Ремес поправил поленья в костре. А может, все-таки поискать тут золото? Зима еще не скоро.

Ойве стало жалко угрюмого аристократа, у которого не было денег даже на учебу. Воин, майор, потомок барона Ройтерхольма, а говорит о бедности. Ойва Юнтунен вытащил бумажник и вложил в руку майора пять тысяч марок.

– Возьми на первое время. Мой золото или вместе будем мыть. Ты займешься хозяйством, а я буду собирать ягель. Найдем – поделим пополам. Или как договоримся.

Майор удивился, но деньги взял:

– Это что, то самое тетино наследство? Как ты можешь доверять совершенно чужому человеку?

– Я верю слову дворянина. Я в Пулью машину из проката оставил. Отгони ее и сдай обратно. Купи необходимый инструмент. Кирки, лопаты – все, что нужно для прииска. И продуктов на несколько месяцев. Будем изучать ягель и мыть золото. Нам некуда торопиться. Мы в отпуске.

Майор никак не мог понять, как все так обернулось. Без единого удара кулаком парень взял и отдал ему целую горсть банкнот. Да, не перевелись еще на свете дураки. Ну и что с того? С таким приятелем почему бы и не поискать золото, даже если им и не суждено будет его найти? Редкий наивняк.

Ойва Юнтунен тоже был доволен подобным поворотом дел. Теперь у него был помощник, офицер-золотоискатель. Наивность майора вызывала у Ойвы жалость. «Чем человек проще, тем больше ему приходится вкалывать», – мысленно вздохнул он.

– Я завтра сразу же отправлюсь в Киттиля за снаряжением, – пообещал майор. – Но сначала давай сделаем навес получше, чтобы мы оба могли под ним нормально спать.

Утром одетое в защитный костюм существо, еще недавно бывшее майором, исчезло в летней тайге. Бодро шагал по новой стезе он, свободный золотоискатель, подпитанный деньгами. Ойва Юнтунен надеялся, что майор не пропадет без вести. В лагере остались его вещи, значит, должен вернуться. Ойва чувствовал, что слову нового знакомого можно доверять.

– Не все же такие бандюги, как я.

Глава 8

Майор Ремес отыскал машину на обочине, именно там, где приятель-отшельник ее и бросил. Он помчался в Киттиля и вернул ее местному представителю фирмы проката. Выяснилось, что машину брал некто Ойва Юнтунен, а не младший научный сотрудник Асикайнен. «Наверное, у Асикайнена есть веские причины, чтобы иногда выступать под чужим именем», – с некоторой симпатией подумал майор Ремес. Ведь и сам он назвался Ройтерхольмом. Так что квиты.

Избавившись от машины, майор рванул на телеграф и дал телеграмму жене в Испанию. Он известил ее о своем местонахождении, точнее, об его отсутствии. Затем позвонил младшей дочери, которая сказала, что помолвлена и перебралась жить к жениху.

– Вот черт. И кто этот молокосос?

Дочь описала бойфренда наилучшим образом. Заплывшее сердце майора оттаяло, особенно когда он понял, что и в отношении младшей дочери его отцовские обязанности выполнены. Он пожелал ей счастья и отправил в подарок чек на тысячу марок из денег младшего научного сотрудника Асикайнена. Потом зашел в пивную «Киттилян Киевари» и с самыми теплыми отцовскими чувствами стал наливать пиво.

Ойва Юнтунен смотрел на открывавшееся перед ним бескрайнее болото Куопсувома. Тучи комаров поднимались из непролазной трясины и впивались жалами в кожу профессионального преступника. «Неужели это и есть хваленая магия Лапландии? Дыхание болот, фу ты, черт!» – думал Ойва Юнтунен.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.